

**ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ, ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКИХ И
ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ ОБУЧАЮЩИХСЯ**

«НАУКА, ТВОРЧЕСТВО, ДУХОВНОСТЬ»

Направление: - правовые дисциплины;

**Тема: Правовое регулирование онлайн-платформ в России: на стыке
отраслей права и юрисдикций**

Соискатель: Маллабаева Алина Латифовна

Научный руководитель: Воробьева Наталия Владимировна

**Место выполнения работы: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный
университет путей сообщения»**

Аннотация: в исследовательской работе представлены результаты комплексного анализа понятийного аппарата и механизмов правового регулирования цифровых платформ (интернет-платформ) в Российской Федерации. На базе межотраслевого подхода исследуются правовые коллизии и системные недостатки, возникающие в гражданском, налоговом, трудовом и административном законодательстве. Раскрывается проблема отсутствия единого законодательного статуса цифровых платформ как специальных субъектов правоотношений, что в свою очередь приводит к правовой неопределенности и фрагментарности регулирования. Выявляются функциональные роли площадок (агрегатор, информационный посредник, исполнитель услуг, работодатель) и связанные с ролями противоречия. Обосновывается необходимость интеграции цифровых площадок в систему налогового администрирования, усиления контроля за прозрачностью алгоритмов и формализации статуса платформенных работников. Предлагаются практические рекомендации по совершенствованию законодательства, нацеленные на сбалансирование интересов всех участников платформенной экономики.

Ключевые слова: интернет-платформы, цифровые платформы, правовое регулирование, цифровизация, платформенная экономика, межотраслевые коллизии, правовой статус, налоговый агент, электронная коммерция, платформенная занятость, законодательство РФ.

Маллабаева А. Л., студентка, кафедра «Таможенное дело и право», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет путей сообщения», alinamallabaeva@mail.ru, +79019565846

Оглавление	
Введение	4
Глава 1. Правовой статус интернет-платформ.....	6
Глава 2. Платформенная занятость: проблемы правового регулирования, межотраслевые коллизии	12
Заключение	17
Библиографический список	19
Приложение 1	21
Приложение 2	22
Судебная практика по спорам, связанным с деятельностью цифровых платформ и платформенной занятостью.....	22

Введение

Современный этап развития общества неразрывно связан с цифровизацией, которая в свою очередь является прямым следствием курса государственной политики на цифровую трансформацию. Растущая роль информационно-телекоммуникационных технологий в таких сферах как, образование, предпринимательство и рынок труда актуализирует вопрос их правового статуса. Правовое регулирование интернет-платформ (цифровых платформ) в Российской Федерации отстает от сложившейся практики и характеризуется наличием системных недостатков. В связи с этим, целью моего исследования является анализ понятийного аппарата и существующих механизмов правового регулирования интернет-платформ (цифровых платформ) в Российской Федерации.

Актуальность обозначенной проблематики для нынешней юридической доктрины, обоснованная выше, не вызывает сомнений.

Ключевая проблема находится в отсутствии единого концептуального подхода, что порождает коллизии и правовую неопределенность в рамках взаимодействующей отраслей законодательства: гражданского, налогового, трудового и административного.

В соответствии с этим, **целью исследования** является на основе межотраслевого анализа сформулировать системные представления о понятии и правовом регулировании интернет-платформ (цифровых платформ) в РФ.

Задачами являются:

1. Уточнение понятийного аппарата и разработка типологии интернет платформ.
2. Выявление специфики и анализ правовых коллизий в межотраслевом регулировании.
3. Концептуализация правового статуса интернет-платформы, как особого субъекта правовых отношений.

Гипотеза: Эффективное правовое регулирование цифровых площадок в РФ возможно только через законодательное закрепление их единого правового статуса как особых субъектов, совмещающих в себе функции организатора цифровой экосистемы и публичного агента контроля, что способствует разрешить существующие межотраслевые коллизии и сформировать сбалансированную модель защиты интересов всех участников платформенной экономики.

Понятия цифровая платформа, онлайн платформа и интернет платформа – тождественны.

Материалы и методы исследования

Основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы, направленные на межотраслевой анализ регулирования цифровых площадок (платформ). В качестве теоретической базы использовался межотраслевой анализ норм гражданского, налогового, трудового, административного и антимонопольного права РФ. Сравнительно-правовой метод использовался для изучения отечественных этапов регулирования и подходов стран БРИКС. Применялись также *формально-логические методы* (анализ, синтез, индукция, дедукция) и *метод правового моделирования*.

Эмпирическую часть исследования основывал документальный анализ нормативных правовых актов (НПА): ФЗ №135-ФЗ «О защите конкуренции»; ФЗ №149-ФЗ «Об информации...»; ГК, НК, ТК РФ; ФЗ от 31.07.2025 г. №289-ФЗ и т.д.

Для выявления правоприменительных противоречий проанализирована судебная практика. Для оценки масштабов явления применены статистические данные Росстата и ФНС России. Также учтены отраслевые стандарты саморегулирования (АКИТ) и договоры-оферты цифровых платформ.

Эмпирическая база исследования показана нормативно-правовыми актами (НПА), судебными актами, официальной статистикой, доктринальными источниками и материалами зарубежного регулирования.

Глава 1. Правовой статус интернет-платформ

Ключевой сложностью при исследовании правового статуса цифровой платформы является терминологическая неопределенность. Российский законодатель не содержит единого легального определения, что создает «правовой вакуум» и формирует пространство для доктринальных интерпретаций. Так, в новой редакции закона в п. 4.1 ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [7, п. 4.1 ст. 4], цифровую платформу данный закон определяет, как программу (совокупность программ) для электронных вычислительных машин в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, обеспечивающую совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров. Сетевой эффект определен как свойство товарного рынка (рынков), при котором потребительская ценность цифровой платформы изменяется в зависимости от изменения количества продавцов и покупателей, совершающих сделки в отношении определенных товаров посредством цифровой платформы.

Из легальных дефиниций, приведенных выше, следует, что цифровая платформа воспринимается законодателем как объект, для которого определяется правовой режим функционирования. Доминирующее положение предназначается же для субъекта права и является составляющей правового статуса такого субъекта, на что прямо указывает ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [7, ч. 1 ст. 5]. Здесь же, законодатель объясняет название ст. 10.1 [7, ст. 10.1] указанного закона, а также закрепленные в ней критерии доминирования хозяйствующего субъекта владеющего цифровой платформой.

Отечественный опыт в электронной коммерции прошел три этапа, которые отражают попытки Российского законодателя «ухватить» и формализовать их многогранную природу.

Первый этап ознаменован первичной защитой потребителей, где особую роль занимало введение института дистанционной продажи товаров в ст. 26.1 Федерального закона от 7 февраля 1992 г. №2300-1 «О защите прав потребителей» [4, ст. 26.1], что позволило распространить на онлайн-торговлю базовые гарантии, такие как право на отказ от товара и требование к информации. Тем самым регулирование ограничивалось классической двусторонней моделью «продавец-потребитель» без учета роли цифровых посредников.

Легальное определение цифровой платформы, закрепленное в конкурентном законодательстве, задает лишь исходный, технологический контур ее понимания как программного комплекса, обеспечивающий транзакции. Однако для целей детального межотраслевого правового анализа потребуется определить функциональные роли интернет-платформы. В условиях отсутствия целостного правового понимания платформы как субъекта, ее поведение под традиционные гражданско-правовые и публично-правовые категории зачастую носит противоречивый и фрагментарный характер. В результате одна и та же цифровая платформа в различных ситуациях и с позиций разных отраслей права может рассматриваться как агрегатор, исполнитель услуг, работодатель или информационный посредник. Каждая из правовых ролей влечет различный объем прав, обязанностей и юридической ответственности, что создает почву для системных правовых коллизий.

В рамках второго этапа законодательство начало распространяться на цифровые агрегаторы. В гражданском обороте данную платформу часто определяют, как агрегатора сведений о товарах, работах и услугах [8, ст. 9]. Такой статус, акцентируя техническую роль сбора и предоставления данных, призван ограничивать ответственность платформы за содержание сделок, предлагаемых третьими лицами. Законодательные инициативы, включая законы № 266-ФЗ и № 112-ФЗ [9, 10], закрепили свободу выбора оплаты потребителем и правила работы с данными покупателей. Однако на практике степень вовлеченности платформы в формирование условий (например, через

установления правил, рейтинговой системы, контроля качества) часто выходит за рамки нейтрального посредничества, стирая грань между агрегированием и организацией предложения, что актуализирует вопрос о применимости правовых норм о розничной купле-продаже или возмездном оказании услуг.

Смежная, но более формализованная правовая категория, установленная главой 10.1 этого же закона – это информационный посредник. Данный статус (информационного посредника: хостера, поисковой системы) предоставляет платформе ограничение ответственности за пользовательский контент при соблюдении определенных процедур. Эта конструкция, заимствованная из международного опыта, создает коллизию с отраслевым законодательством, где на платформу возлагаются прямые обязанности по контролю контента (например, в сфере защиты права интеллектуальной собственности, противодействия экстремизму или недостоверной информации).

В некоторых случаях, когда платформа активно формирует параметры услуги, устанавливает стандарты, гарантирует результат и приводит расчеты, суды и регуляторы могут признавать ее исполнителем услуги перед конечным потребителем [2, ст. 779]. Квалификация «исполнителем услуг» кардинально меняет правовую природу отношений, возлагая всю полноту ответственности перед потребителем на платформу, за неисполнение (ненадлежащее исполнение) услуги, фактически предоставляемой третьим лицом (арендодателем, водителем, курьером).

Сложности возникают в сфере трудового права. Платформа, формально позиционирующая себя лишь как посредник, связывающая «заказчика» и «исполнителя», зачастую осуществляет ключевые функции характерные для работодателя: определяет алгоритмы и стандарты работы, контролирует процесс и результат через системы рейтинга, применяет санкции, влияет на вознаграждение, что приводит к созданию так называемых «замаскированных трудовых отношений» и вызывает споры о необходимости предоставления платформенным работникам стандартных трудовых гарантий (охраны труда, минимальной зарплаты, социального страхования), что сталкивается с экономической моделью, построенной на гибкости и минимизации издержек.

Множественность квалификаций возникает из отсутствия законодательно закреплённой целостной концепции правовой основы платформы, что подчеркивает актуальность задачи по формированию ее правового статуса как особого субъекта правоотношений.

Третий этап развития правового регулирования ознаменован принятием Федерального закона от 10 июля 2023 г. № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»» (пятый антимонопольный пакет) [11]. Он нацелен на усиление контроля над деятельностью крупных цифровых платформ и предотвращение злоупотреблений доминирующим положением. Закон адаптирует антимонопольное регулирование к цифровой среде, включая расширение критериев определения доминирующего положения, требования к прозрачности алгоритмов и данных, усиливая ответственность за антиконкурентные соглашения, а также расширение полномочий Федеральной антимонопольной службы (ФАС). Однако закон не разрешает ключевой проблемы – отсутствия единого правового статуса.

В 2024–2025 гг. в Российской Федерации велась активная работа над законопроектом «О платформенной экономике». Документ претерпел ряд изменений: от первоначального варианта до принятой версии в июле 2025 г. Ниже приведена сравнительная таблица ключевых положений законопроекта (табл. 1).

Таблица 1.

Сравнительная характеристика законопроектов о платформенной экономике в Российской Федерации

Table 1.

Comparative characteristics of draft laws on the platform economy in the Russian Federation

Аспект	Первоначальная версия (2024)	Финальная версия (2025, принятие)
Срок вступления в силу	1 сентября 2025 г.	1 октября 2026 г. (перенос почти на год)
Определения	«Посредническая цифровая платформа» без уточненных критериев	Четкие категории: платформа, партнер (продавец/исполнитель), пользователь; реестр платформ
Реестр платформ	Предусматривался, но без критериев	Введен государственный реестр; критерии «значимости» платформ; правила включения/исключения
Идентификация продавцов	Общая обязанность предоставлять данные	Обязательная идентификация через ЕСИА или госреестры
Изменение условий договора	Платформа может менять условия по своему усмотрению	Обязанность предупреждать партнера минимум за 45 дней; запрет ухудшать условия без уведомления
Акции и скидки	Прописано, что платформа может устанавливать скидки и акции	Запрет навязывания продавцам участия в акциях за их счет; защита от снижения рейтинга при отказе
Трудовой статус исполнителей	Вопрос не урегулирован	Введено понятие «платформенная занятость»; отношения закреплены как гражданско-правовые
Ответственность платформ	Общая — «обеспечивать взаимодействие»	Расширенная: прозрачность правил, обязанность предоставлять достоверную информацию пользователям и партнерам
Контроль государства	Общие положения о надзоре	Установлены правила проверки, ведение отчетности, полномочия ФАС и профильных ведомств

Концептуальный пробел непосредственно влияет на практику, порождая сложности в определении конкретных правоотношений, возникающих с участием цифровых платформ. Сущность цифровых платформ не может быть сведена к роли полноценного участника рынка. Их основная функция – организационная. Они выступают в качестве особого типа цифровых посредников. Пользователями платформ могут выступать как простые потребители – физические лица, приобретающие товары и услуги для личных нужд, так и профессиональные участники рынка (предприниматели). Помимо этого, в экосистему платформы интегрированы независимые партнеры, обеспечивающие вспомогательные услуги: логистические и курьерские службы, сервисные центры, операторы складских комплексов и пункты выдачи заказов.

Для их системного анализа рассмотрим базовые модели электронной коммерции, которые формируют субъектный состав этих отношений.

В зависимости от взаимодействия целевой группы вовлеченных субъектов, электронный бизнес можно классифицировать указанным способом [15, с. 2] (см табл. 2):

Таблица 2.

Идентификация сторон в области электронной коммерции.

Table 2. Identification of parties in the field of e-commerce.

	Государство (англ. Government)	Бизнес (англ. Business)	Потребитель (англ. Consumer)
Государство (англ. Government)	G2G (Government to Government)	G2B (Government to Business)	G2C (Government to Consumer)
Бизнес (англ. Business)	B2G (Business to Government)	B2B (Business to Business)	B2C (Business to Consumer)
Потребитель (англ. Consumer)	C2G (Consumer to Government)	C2B (Consumer to Business)	C2C (Consumer to Consumer)

Идентификация сторон в области электронной коммерции по субъектному составу может быть представлена аналогией субъектному составу гражданского права приведенном ниже образом:

Business-to-Business (B2B): договорные отношения между субъектами предпринимательской деятельности;

Представленная модель основана на принципах классического предпринимательского оборота. Правовое регулирование базируется на общих положениях о купле-продаже [2, §1 гл. 30], диспозитивных нормах, дающих сторонам значительную свободу в определении условий договора [1, ст. 421]. Особенностью является полная имущественная ответственность за обязательства [1, ст. 56, ст. 401] и принцип добросовестности.

Business-to-Consumer (B2C): договорные отношения «продавец-потребитель»;

В данной модели регулирование основано на защите экономически слабой стороны – потребителя и регулируется специальным законодательством «О защите прав потребителей». Аналогично розничной купле-продаже [2, §2 гл. 30], здесь используются императивные нормы в пользу потребителя, а также его презумпцию вины [1, ст. 401], право на достоверную информацию, отказ от товара [4, ст. 25] и специальный порядок установления ответственности продавца.

Consumer-to-Consumer (C2C): сделки между физическими и юридическими лицами (потребителями);

В данной модели правовое регулирование возникает на общих нормах ГК РФ о сделках [1, гл. 9], с учетом бытового характера отношений. Применяется упрощенный порядок заключения договора и ограниченный объем ответственности сторон. Главным является соотношение общих положений гражданского права со специальными правилами электронных платформ.

Business-to-Government (B2G): договорные отношения между предпринимателем с участием публично-правовых образований.

В последней модели государство показывает двойственную природу как участник гражданского оборота. Здесь сочетаются нормы гражданского и административного права, нормы гражданского права применяются в симбиозе со специальным законодательством о закупках [6, 5]. Характерной чертой является ограничение принципа свободы договора в области условий исполнения обязательств (обязательность проведения торгов и установление специальных процедур заключения договоров, ориентированных на обеспечение отчетности и контроля за их исполнением).

Сфера логистического взаимодействия маркетплейсов и продавцов является новой и недостаточно урегулирована законом. Неудовлетворенность участников рынка стимулирует развитие в сфере законодательства, включая отраслевое саморегулирование.

Таким образом, ассоциацией компаний интернет-торговли (АКИТ) были разработаны «Стандарты взаимодействия» [13, с. 40] для маркетплейсов, владельцев и продавцов пунктов выдачи заказов (ПВЗ). Эти документы дают четкие определения и описывают стандартные механизмы работы. Для урегулирования споров создана Комиссия по саморегулированию, однако ее рекомендательные решения малоэффективны, что ведет к росту числа судебных исков.

Учитывая асимметрию в положении сторон, основные проблемы логистических взаимодействий можно расположить по трем группам:

Правовая природа договора и ответственность за товар. Договор между маркетплейсом и продавцом имеет правовой симбиоз (агентский договор и договор на комплекс логистических услуг – фулфилмент). Он не обозначается в ГК РФ, но описывается в отраслевых стандартах. По модели FBO (Fulfillment by Operator – модель работы на маркетплейсах, при которой продавец передает управление всеми операциями по хранению и доставке товара маркетплейсу) платформа принимает на себя цикл услуг: от хранения и сборки заказов до обработки возвратов [14, с. 2].

Судебная практика формирует подход к ответственности площадки. После передачи товара она несет ответственность за его сохранность, включая последствия действий третьих лиц (например, подмена при возврате). Суды зачастую обязывают маркетплейс возмещать продавцу не себестоимость, а заявленную рыночную, что может включать упущенную выгоду.

Система штрафов, регламентов и диспаритет ответственности. Для управления миллионами транзакций платформы создают сложные автоматизированные системы и внутренние регламенты. Формально установление рейтинговых систем и штрафов не противоречит закону. Однако на практике появляется чрезмерное бремя для продавцов и владельцев ПВЗ. Перечни штрафов (к примеру, у Wildberries – до 25 видов) часто воспринимаются как несоразмерные, а условия договоров (оферт) составлены тем образом, что ответственность продавца прописана детально, что не скажешь об ответственности маркетплейса – сведена к минимуму или исключена. Таким образом, появляется фактический дисбаланс и отсутствие единого регулирования цифровых платформ.

Организация расчетов и документооборота. Цифровая платформа выступает центральным расчетным узлом, а все проходящие процессы строго формализованы через электронный документооборот (ЭДО). Конфликты возникают из-за удержания выплат, нарушений при возврате товара, споров о размере возмещения. Отсутствие связи с ЭДО лишает продавца возможности оспорить автоматические списания. Общая тенденция судебной практики показывает склонность поддерживать условия, установленные площадкой в оферте, даже при их очевидной асимметрии.

Проведенный анализ договорных отношений выявил системную проблему: цифровые площадки, контролируя основные процессы и финансовые потоки. Стремятся минимизировать свою ответственность, перекладывая риски на продавцов и исполнителей. Эта асимметрия тем самым порождает не только гражданско-правовые коллизии, но и создает не мыле проблемы в налоговом администрировании.

Решением для устранения проблем является возложение на цифровые платформы функции налогового агента. Поскольку цифровые площадки уже обладают информацией обо всех сделках и контролируют расчеты, они должны автоматически удерживать и перечислять налог с доходов продавцов, курьеров и водителей. Налоговая база будет определяться как выручка исполнителя за вычетом комиссии платформы [18, с. 254]. Для этого предлагается три сценария в зависимости от статуса исполнителя:

1. Для физических лиц (не самозанятых и ИП) – платформа удерживает и перечисляет НДФЛ.

2. Для ИП (индивидуальные предприниматели) на УСН или патенте (без наемных работников) – платформа удерживает и перечисляет соответствующий налог.
3. Для плательщиков налога на профессиональный доход (НПД, самозанятых) – платформа уплачивает НПД, что частично закреплено законом, но требует соответствующего перевода из права в обязанность.

Для реализации данной модели требуется изменения в Налоговый кодекс и Закон № 422-ФЗ.

Именно:

1. Унификация термина: ввести определение «оператор цифровой платформы», как субъекта, владеющего ресурсом для дистанционной реализации работ, расчетов, товаров и услуг.
2. Закрепление статуса налогового агента: возложить на оператора цифровой площадки обязанности по исчислению, удержанию и перечислению налогов за исполнителей.
3. Организация замкнутой системы контроля: обязать всех продавцов (исполнителей) проводить расчеты через оператора платформы с применением ККТ (контрольно-кассовая техника). В свою очередь, обязать оператора платформы, в случае удержания налога с дохода исполнителя без применения ККТ, блокировать сделки.

Таким образом, легализация контроля платформ над финансовыми потоками через присвоения им роли налогового агента обеспечит рост собираемость налогов, сократит теневой оборот и сбалансирует ответственность сторон, решая выявленные ранее правовые проблемы. Эта актуальность подтверждается статистикой и текущей законодательной динамикой.

Глава 2. Платформенная занятость: проблемы правового регулирования, межотраслевые коллизии

Опираясь на данные Росстата, количество занятых на цифровых площадках в России демонстрирует стремительный рост: с 3,5 млн. человек в 2022 году, до 5,16 млн. человек в 2023 г. Данные Росстата за 2024 год [16] показывают, что количество занятых на цифровых площадках в России (2994,0 тыс. чел.) демонстрирует упадок к 2023 году на 12,3%, а сегмент платформенной занятости в занятости населения сократился до 4,0%. К началу 2026 года прогнозируется рост до 10 млн. При этом для подавляющего большинства (96% в 2023 г.) данная деятельность приходится основной работой. Наиболее крупными цифровыми платформами являются:

- YouDo (3,5 млн.чел.)
- Профи.ру (2,3 млн.чел.)
- Яндекс.Еда (700 тыс.чел.)
- Delivery Club (500 тыс.чел.)
- Яндекс.Такси (170 тыс.чел.)

Со стороны правового оформления, лишь 27% таких работников имеют трудовой договор. Остальное количество 73% распределяются следующим образом:

- 46% зарегистрированы как самозанятые;
- 12% работают по гражданско-правовому договору как физические лица;
- 6% в статусе индивидуального предпринимателя;
- 9% вовсе не имеют официального оформления [17, с. 261].

Сложившаяся судебная практика отрицает наличие каких-либо правоотношений между площадкой и исполнителем, в другом случае признает их гражданско-правовыми, что лишает работников гарантий трудового права.

Несмотря на Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики РФ» [12] вступающий в силу 1 октября 2026 г., в котором определены правила работы цифровых платформ и участников платформенной экономики, в законе все же отсутствует понятие «платформенная занятость». Закон использует в отношении физических лиц определение «партнер-исполнитель», предусматривая для них непосредственно гражданско-правовые отношения с оператором платформы в статусе зарегистрированных самозанятых.

Мониторинг платформенной занятости в обследованиях Росстата начат относительно недавно, и его методика требует дальнейшего развития. Для полноценной оценки масштабов и характеристик этого сегмента необходимо правовое закрепление его статуса и классификации. Существующие «скачки» в статистике, в том числе региональной, носят лишь гипотетический характер.

Результат предполагается при получении административных данных исключительно от цифровых площадок. Это станет осуществимым только после формирования в Российской Федерации полноценной системы государственного регулирования платформенного труда.

В целях разрешения противоречий между субъектами отношений по применению платформенного труда в зависимости от избираемого направления социально-экономической политики, возможно осуществление одной из трех обобщенных моделей правового регулирования платформенной занятости.

Модель интеграции в трудовое законодательство. Эта модель предполагает признание отношений между исполнителем и платформой трудовыми, что повлечет распространение полного объема гарантий на платформенных работников, предусмотренных Трудовым кодексом Российской Федерации (ТК РФ). Основанием для данной квалификации послужат отдельные признаки

трудового отношения, установленные ТК РФ [3, ст. 15]: выполнение работы индивидуально за плату и подчинение внутренним правилам, алгоритмам и контролю площадки.

«Мягкая» модель регулирования. Данная модель исходит из преобладания среди платформенных работников статуса плательщиков налога на профессиональный доход (НПД) и сохранения гражданско-правового характера отношений. Возможным решением является расширение возможностей добровольного страхования определенных рисков при сохранении правового статуса самозанятости. Одновременно с этим потребуется установление на законодательном уровне минимальных гарантий в области оплаты труда, в целях предотвращения чрезмерной эксплуатации и обеспечения исполнителем реальной свободы в определении рабочего времени.

Либеральная модель. Модель предполагает сохранение существующего положения, при котором платформенные работники (самозанятые в частности, работающие по гражданско-правовым договорам) остаются практически вне сферы действия социальных гарантий. Подход критикуется в научной литературе как социально опасный, порождающий прекаризацию труда, формирующий риски для самих платформ в виде потенциальных судебных решений о переквалификации отношений и требующий пересмотра государственной политики в сфере занятости и социальной защиты.

С учетом анализа плюсов и минусов каждой модели, а также мотивации всех сторон, представляется целесообразным обратиться к оценке накопленного регулирования в государствах-участниках БРИКС [17, с. 253]. (см. табл. 3).

Таблица 3
Сравнительная таблица правового регулирования в странах БРИКС.
Table 3
Comparative table of legal regulation in BRICS countries.

Страна	Подход к регулированию	Правовой статус работника	Ключевые характеристики регулирования
Бразилия	Жесткий (формализованный)	«Самозанятый работник платформы»	Закрепление в законопроекте PLP 12/2024 специального промежуточного статуса. Гарантирование минимальной почасовой оплаты труда и покрытие операционных расходов. Обязательные взносы в систему социального страхования (с работника 7,5%, с платформы – 20%). Платформы признаются поставщиками услуг.

Россия	Формирующийся гибкий	«Занятый на платформе» (предлагаемый особый статус)	Отношения не признаются трудовыми, регулируются ГК РФ и специальным законом. Регулирование распространяется только на платформы, включенные в реестр ФНС. Установление стандартов качества, функция налогового агента.
Индия	Децентрализованный (региональный)	«Гиг-работник»	Категория закреплена на федеральном уровне без конкретных гарантий. Регионы принимают собственные законы (Раджастан, Карнатака). Работники полностью исключены из сферы действия трудового законодательства.
Китай	«Мягкий» (рекомендательный)	«Работник в новых формах занятости»	Регулирование через рекомендательное «Руководство» госоргана. Фокус на прозрачности алгоритмов рабочего времени, предотвращение переработок. Обязательность консультаций с профсоюзами. Многоуровневая система разрешения споров.
ЮАР	Неопределенный (либеральный)	«Независимый подрядчик»	Отсутствие специального регулирования. Работники квалифицируются судами как независимые подрядчики. Распространяются только гарантии минимальной заработной платы.

Таким образом российский формирующийся подход занимает промежуточное положение между жесткой моделью Бразилии (с учетом ее финансовых обязательств) и «мягким» китайским регулированием. В России также планируется создать особый законодательный статус и реестр платформ, однако без детализированных финансовых гарантий (минимальная оплата часа, покрытие расходов). Наравне с Китаем уделяется внимание прозрачности и процедурным правам, а также роли саморегулирования. Уникальной чертой российского проекта является механизм обратной переквалификации отношений в трудовые как санкция для платформ, что порождает стимул соблюдать новые правила. Однако, тождественно индийскому подходу, это означает формальное выведение «занятых на платформе» из-под влияния Трудового кодекса, что ставит под вопрос уровень их социальной защиты в отсутствие бразильской системы обязательных взносов.

Для эффективного результата требуется решение фундаментальной проблемы – контроль прозрачности и легальности взаимодействия на самих платформах, особенно в сегменте C2C (классифайдов), где риски неформальной деятельности высоки. В этом контексте представляются необходимыми следующие меры по консолидации законодательного регулирования. Необходима конкретная регламентация торговой деятельности и занятости через классифайды.

Процедура идентификации пользователей с использованием проверенных средств (ЕСИА, номера мобильных телефонов, банковские идентификаторы), установление строгого порядка их взаимодействия для заключения сделок. В рамках осуществляемой реформы происходит формализация правового статуса исполнителей. Субъектами цифровых платформ должны признаваться физические лица, официально зарегистрированные в качестве: ИП, плательщиков НПД (самозанятые), платформенных занятых (при введении данного статуса).

Обратимся к материалам судебной практики. Приведем характерные примеры из судебной практики. Во-первых, неясный правовой статус платформенных работников приводит к тому, что суды иногда признают, что отношения работника и платформы фактически представляют трудовые, даже если оформлены как гражданско-правовой договор. Это важно, поскольку применение гражданско-правового договора (услуги / подряд / агентские отношения) не дает тех же гарантий, что трудовой договор. К примеру, дело Решение по делу № 2-10785/2024 от 13.02.2025 – о признании трудовых отношений, взыскании компенсации за неиспользованный отпуск, компенсации морального вреда [19]. Суд установил, что сотрудница пункта выдачи заказа действительно имела трудовые отношения с Wildberries: присутствовали признаки подчиненности, регулярной занятости, системности [20], аналогичные решения суда по платформе можно также найти в открытом доступе на платформе Судакт (Судебные и нормативные акты РФ :: Крупнейшая в сети база судебных и нормативных актов) [21]. Кроме того, суд принял решение в пользу лица, зарегистрированного на электронной платформе «Работа в России» по поводу получения пособия по безработице [22]. В одном из дел истец, менеджер ПВЗ, оспаривал удержание из зарплаты в размере 13 433,87 руб. за «брак и подмену товара», мотивируя, что фактической ответственности за такие дефекты нет (он отвечал лишь за приемку/выдачу) и вина не была доказана. Суд признал, что такие удержания незаконны [23], в аналогичном деле суд вынес решение отсутствие оснований для снижения премии или удержаний, если работник не нарушил условия договора, а сведения из личного кабинета платформы (скриншоты) были признаны допустимыми доказательствами [24].

Значимой проблемой платформенной занятости является непрозрачность системы начисления заработка и премий. Система оплаты часто составная, включающая фиксированную ставку и проценты от выручки, а также премии, дотации, бонусы, зависящие от «рейтинга», «раскладки» и других параметров, что дает работодателю широкое поле для субъективных удержаний. Судебная практика показывает, что без четких и объективных критериев такие схемы ставятся под сомнение. Кроме того, работники сталкиваются с удержаниями, основанными на показателях, на которые они не могут влиять (например, брак товара, возврат, действия курьеров), что делает трудовой риск на платформе особенно невыгодным для работника [22, 23]. В спорах, где работники требовали компенсаций за неиспользованный отпуск или возмещения морального вреда, суды порой отказывались (если работник не обращался с заявлением об отпуске, нет доказательств у работодателя обязательства и т.п.) [25]. Платформы либо сознательно оформляют сотрудничество вне рамок трудового договора, либо используют смешанные механизмы, нарушая трудовое законодательство [24]. В деле, где работник пытался доказать факт невыплаты премии, суд принял скриншоты из «личного кабинета» платформы как допустимые доказательства. Это показывает, что цифровые данные (логины, ID, временные метки) уже могут служить основанием для судов. Тем не менее, иногда платформы отказываются признавать такие данные, что приводит к затяжным спорам и неопределенности.

Ведение единого реестра платформенных занятых и предоставление операторам цифровых площадок доступа к ним, следует возложить на Федеральную налоговую службу (ФНС России) для консолидации данных [18, с. 255-257]. Для балансирования публичных и частных интересов (налоговых, трудовых, гражданских) цифровые платформы должны на регулярной основе

направлять в уполномоченный орган (ФНС) сведения обо всех сделках, совершенных пользователями-работниками, посредством цифрового взаимодействия.

В этой связи, ключевой задачей становится обеспечение легальности и прозрачности взаимодействий на самих площадках, особенно в сегменте С2С.

Растет вероятность судебного признания платформенных работ как трудовой занятости. Судебная практика показывает, что суды все чаще отказываются рассматривать платформенные пункты выдачи как чисто «сотрудничество»/гражданско-правовой контракт. Это указывает на тенденцию к расширению «трудового» подхода к платформенной занятости.

Системы мотивации и оплаты на маркетплейсах крайне непрозрачны и часто работают как механизм перекладывания рисков на работника. Удержания за брак, ошибки курьеров, возвраты и недостоверные претензии являются типичными основаниями споров. Без жесткого регулирования и прозрачных стандартов такие системы остаются риском для работников.

Цифровые доказательства уже принимаются судами, что открывает путь к судебным искам даже при формальной «гражданско-правовой» форме сотрудничества. Скриншоты, выписки из «личных кабинетов» и журналы операций — все это фактически становится аналогом табелей учета. Это усиливает позиции работников, но одновременно увеличивает нагрузку на суды и повышает значение цифровой грамотности сотрудников. Разница в судебных решениях (от удовлетворения требований до отказов) говорит о том, что законодательство недостаточно ясно адаптировано к реалиям платформенной экономики; судебная практика пока формируется. Неисплата отпускных, отсутствие гарантий, возможность штрафов и удержаний за факторы вне контроля работника подрывает базовые трудовые права и может породить социальную нестабильность.

Платформенная занятость должна быть законодательно признана как полноценная форма трудовых отношений, особенно в случае регулярной, системной и управляемой платформой работы, что требует адаптации трудового законодательства под специфику платформ.

Необходимы стандарты прозрачности системы оплаты и мотивации: четкие критерии премирования, понятные правила начисления/удержания, доступность информации для работника. Государство и профсоюзные структуры должны стимулировать использование цифровых доказательств (логов, табелей, систем учета) для защиты трудовых прав. Для платформ нужна юридическая ответственность за злоупотребления при удержаниях, компенсациях, недобросовестных штрафах, чтобы избежать массовых нарушений трудовых прав.

Федеральный закон № 422-ФЗ «О проведении эксперимента...» (закон о самозанятых) предлагает третий, компромиссный путь, легализуя статус исполнителей как независимых предпринимателей. Данный закон позволяет платформам легально взаимодействовать с физлицами без оформления трудовых отношений и уплаты страховых взносов. Однако эта гибкость создает системные риски: самозанятый статус становится правовым инструментом для уклонения платформ от предоставления обязательных трудовых гарантий, закрепленных в ТК РФ.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу о том, что эффективное правовое регулирование цифровых платформ в Российской Федерации невозможно в рамках фрагментарного отраслевого подхода. Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики показал, что цифровые платформы фактически выступают особыми субъектами правоотношений, совмещающими функции организатора цифровой экосистемы, экономического посредника и субъекта публичного контроля, однако формально такой статус в российском праве до настоящего времени отсутствует.

В ходе работы установлено, что правовая неопределенность статуса интернет-платформ приводит к множественности их квалификаций в различных отраслях права. В гражданско-правовых отношениях платформа может рассматриваться как агрегатор или исполнитель услуг, в налоговых как фактический оператор финансовых потоков без статуса налогового агента, а в трудовых как работодатель, формально скрытый за гражданско-правовой конструкцией. Подобная разнонаправленность правового регулирования формирует устойчивые межотраслевые коллизии и нарушает баланс интересов участников платформенной экономики.

Особое внимание в исследовании уделено проблеме платформенной занятости. Установлено, что действующая модель правового оформления деятельности исполнителей через самозанятость и гражданско-правовые договоры не обеспечивает достаточного уровня социальной защиты и способствует формированию «замаскированных трудовых отношений».

Анализ представленной судебной практики позволяет сделать вывод о формировании в российской юрисдикции устойчивой тенденции к пересмотру формального гражданско-правового характера отношений между цифровыми платформами и исполнителями в сторону их фактической трудовой квалификации при наличии признаков управляемости, подчинённости и регулярности занятости. Суды все чаще исходят не из номинального содержания договоров-оферт, а из реального характера взаимодействия сторон, включая алгоритмический контроль, систему рейтингов, санкций и экономическую зависимость работника от платформы. Одновременно судебные органы признают недопустимым произвольное переложение коммерческих и операционных рисков на платформенных работников, особенно в части штрафов, удержаний и лишения премий без доказанности вины.

Существенным является и признание судами цифровых доказательств (данных личных кабинетов, скриншотов, логов операций) в качестве допустимых и юридически значимых, что свидетельствует об адаптации судебной практики к цифровой форме организации труда. В совокупности данные тенденции указывают на наличие системного разрыва между действующим законодательством и фактической моделью платформенной занятости, что подтверждает необходимость законодательного закрепления особого правового статуса цифровых платформ и формализации минимальных социально-трудовых гарантий для лиц, занятых в платформенной экономике.

Сравнительный анализ регулирования платформенной экономики в странах БРИКС показал, что российский подход занимает промежуточное положение между жесткими социально ориентированными моделями (Бразилия) и либеральными режимами (Индия, ЮАР). В то же время отсутствие четко закрепленных финансовых и социальных гарантий для платформенных работников в российской модели создает риск социальной нестабильности и правовой неопределенности.

В качестве ключевых направлений совершенствования законодательства обоснована необходимость:

- законодательного закрепления единого правового статуса оператора цифровой платформы;
- возложения на платформы функций налогового агента как инструмента легализации финансовых потоков и сокращения теневого сектора;
- установления минимальных стандартов прозрачности алгоритмов, рейтинговых систем и механизмов удержаний;
- формализации особого статуса платформенной занятости с гарантированным минимумом социально-трудовых прав;
- усиления роли государственного контроля и саморегулирования в сфере электронной коммерции и С2С-платформ.

Таким образом, только комплексный межотраслевой подход, сочетающий элементы публично-правового регулирования и частноправовой гибкости, способен обеспечить устойчивое развитие цифровых платформ, защиту прав пользователей и исполнителей, а также формирование сбалансированной модели платформенной экономики в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): [федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: по состоянию на 25 нояб. 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): [федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: по состоянию на 16 дек. 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации: от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ: [по состоянию на 28 дек. 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 15.
4. О защите прав потребителей: закон Российской Федерации от 7 февр. 1992 г. № 2300-1: [по состоянию на 7 июля 2025 г.] // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 15. – Ст. 766.
5. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 30 (ч. I). – Ст. 4571.
6. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.
7. О защите конкуренции: федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ: [по состоянию на 24 июня 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3434.
8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ: [по состоянию на 24 июня 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448.
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 266-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5054.
10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, возникающих в электронной коммерции: федеральный закон от 30 апреля 2021 г. № 112-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 18. – Ст. 3058.
11. О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»: федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 301-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 28. – Ст. 3752.
12. Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ (принят ГД ФС РФ 22.07.2025): [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.01.2026). – (Зарегистрирован в Минюсте России, не вступил в силу).
13. Агафонова, А. Н. Теоретические и практические аспекты управления качеством услуг электронной коммерции / А. Н. Агафонова // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2015. – № 8. – С. 40-44. – ISSN 1993-0453.
14. Васильева, А. В. Проблемы правового регулирования логистических взаимодействий на площадках электронной торговли / А. В. Васильева // Вестник СИБИТа. – 2024. – № 3. – С. 2-9.

– URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-logisticheskikh-vzaimodeystviy-na-ploschadkah-elektronnoy-torgovli> (дата обращения: 29.01.2026).

15. Гаврилин, А. А. Отличительные особенности электронного бизнеса и электронной коммерции / А. А. Гаврилин // *Educatio*. – 2015. – № 6 (13). – С. 2-5. – ISSN 2413-5348.

16. Итоги выборочного обследования рабочей силы (ноябрь 2024 года): [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения: 29.01.2026).

17. Новиков, Д. П. Правовое регулирование платформенной занятости в странах БРИКС / Д. П. Новиков, Ф. Ногайлиева // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2025. – № 1. – С. 253-272. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-platformennoy-zanyatosti-v-stranah-briks> (дата обращения: 29.01.2026).

18. Пономарева, К. А. Налогообложение доходов от экономической деятельности на цифровых платформах: мировой опыт поиска решений / К. А. Пономарева, А. А. Батарин // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2024. – № 3. – С. 254-280. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogooblozhenie-dohodov-ot-ekonomicheskoy-deyatelnosti-na-tsifrovyyh-platformah-mirovoy-opyt-poiska-resheniy> (дата обращения: 29.01.2026).

19. Решение по делу № 02-0199/2025 от 14.02.2025 // URL: <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-ba88b4dd-85dd-56de-beeb-9f9f8975ec43/?ysclid=mlbr2vp4fj546290124> (дата обращения 07.02.2026)

20. Решение № 2-9450/2024 2-9450/2024~М-8372/2024 М-8372/2024 от 21 октября 2024 г. // URL: sudact.ru/regular/doc/U1H2KX8Ywyrv/ (дата обращения 07.02.2026)

21. Решение № 2-9132/2024 2-9132/2024~М-8015/2024 М-8015/2024 от 5 декабря 2024 г. по делу № 2-9132/2024 // URL: sudact.ru/regular/doc/GDm3D6uLY9Hd/ (дата обращения 07.02.2026)

22. Решение № 2-9450/2024 2-9450/2024~М-8372/2024 М-8372/2024 от 21 октября 2024 г. по делу № 2-9450/2024 // URL: sudact.ru/regular/doc/U1H2KX8Ywyrv/ (дата обращения 07.02.2026)

23. Решение Сафоновского районного суда по делу №2-476/2023 // URL: https://opis-cdn.tinkoffjournal.ru/mercury/delo-no-2-476_2023.sb4iwebeieoo..pdf (дата обращения 07.02.2026)

24. Решение № 2-123/2025 2-123/2025(2-398/2024;2-3281/2023;)~М-1989/2023 2-3281/2023 2-398/2024 М-1989/2023 от 22 января 2025 г. по делу № 2-123/2025 // URL: sudact.ru/regular/doc/sHcWVZvmQvLp/(дата обращения 07.02.2026)

25. Судебное решение по трудовому спору ВАЙЛДБЕРРИЗ, РВБ | ПОДОЛЬСК | 22.10.2025 2-6878/2025 ~ М-5474/2025 // URL: <https://nahjob.club/review/podolysk-wayldberriz-rwb?ysclid=mlbsg5juxa732334354?u=6986b9612be8c> (дата обращения 07.02.2026)

Приложение 1

Характеристика платформенной занятости в странах БРИКС 2025 г.

(Источник: <https://nomads.com/digital-nomad-statistics>)

Страна	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
Количество цифровых занятых (млн чел)	2,1	7	15	200	3,9
Примеры платформ цифровой занятости	Workana (микроработы) iFood (доставка еды) 99 и Uber (перевозки пассажиров и товаров)	YouDo, Профи.ру (микроработы) Яндекс. Еда, Delivery Club (доставка еды) Яндекс. Такси (перевозка пассажиров)	Ola (перевозка пассажиров и грузов) Zomato, Swiggy (доставка еды)	Didi (перевозка пассажиров и грузов) Meituan, Ele.me (доставка еды)	Uber & Uber Eats, Bolt (перевозки пассажиров)
Страна	Египет	Иран	ОАЭ	Эфиопия	Индонезия
Количество цифровых занятых (млн чел)	14	1	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Примеры платформ цифровой занятости	Breadfast, Elmenus, Filkhedma, in Drive, Mrsool, Orcas, Swvl, Talabat, Taskty и Uber	Snapp, Tap30 (пассажирские перевозки и доставка)	Talabat, Careem, Deliveroo, NoonFood, EatEasy, EatClean, Munch: On, Uber, Lyft, Airbnb	Нет данных	Нет данных

Приложение 2

Судебная практика по спорам, связанным с деятельностью цифровых платформ и платформенной занятостью

№	Суд, номер и дата дела	Платформа	Суть спора	Позиция суда	Правовое значение
1	Решение по делу № 2-10785/2024 от 13.02.2025	Wildberries (ПВЗ)	Признание отношений трудовыми, взыскание компенсации за неиспользованный отпуск и моральный вред	Суд признал наличие трудовых отношений, установив признаки подчинённости, системности и контроля со стороны платформы	Подтверждает возможность переквалификации гражданско-правовых отношений в трудовые при наличии управляемости
2	Решение № 2-9450/2024 от 21.10.2024	Wildberries	Оспаривание удержаний за «брак и подмену товара»	Удержания признаны незаконными, поскольку вина работника не доказана	Ограничивает произвольное перекладывание коммерческих рисков на платформенных работников
3	Решение № 2-9132/2024 от 05.12.2024	Маркетплейс (ПВЗ)	Снижение премии и удержания из дохода	Суд указал на недопустимость удержаний без чётких и прозрачных критериев	Подчёркивает необходимость прозрачных систем мотивации и расчёта доходов
4	Решение № 2-123/2025 от 22.01.2025	Wildberries	Признание цифровых данных (скриншотов личного кабинета) доказательствами	Скриншоты и данные из личного кабинета признаны допустимыми доказательствами	Закрепляет значение цифровых доказательств в спорах с платформами
5	Решение Сафоновского районного суда по делу № 2-476/2023	Онлайн-платформа занятости	Признание права на пособие по безработице	Суд признал занятость на платформе не равнозначной трудовой занятости	Демонстрирует правовую неопределённость статуса платформенных работников
6	Судебное решение № 2-6878/2025 от 22.10.2025	Wildberries (РВБ)	Трудовой спор о выплате заработной платы и компенсаций	Суд частично удовлетворил требования работника	Подтверждает рост числа трудовых споров с платформами
7	Решения судов общей юрисдикции (обзор)	Различные маркетплейсы	Оспаривание штрафов, удержаний, блокировок аккаунтов	Суды склонны учитывать условия оферт, но проверяют их соразмерность	Указывает на дисбаланс договорной ответственности и необходимость спецрегулирования